

В мгновение ока наступил день начала конференции Улинь.

Хань Чаншэн встал еще до рассвета. И первым делом после этого запечатал акупунктурную точку сна Ань Юаня, чтобы тот продолжал мирно спать.

Усевшись за стол, он старательно наложил на свое лицо несколько слоев маскировки, а затем осторожно вытащил Меч Поющего Дракона, который все это время пролежал спрятанный в свертке. После этого он снова присел на кровать, просто чтобы посмотреть на Ань Юаня, который из-за запечатанной акупунктурной точки до сих пор пребывал в глубоком сне.

Спустя несколько дней Хань Чаншэну наконец-то удалось придумать план, который он считал всеобъемлющим и разносторонним. Он не только позволял разоблачить лицемерие Юэ Пэна перед всеми представителями праведных сект, но и помогал Ань Юаню прославиться - то есть, убивал двух зайцев одним выстрелом. Убедившись, что Ань Юань не проснется, Хань Чаншэн нацепил свою соломенную шляпу с вуалью и, прихватив с собой Меч Поющего Дракона, вышел из комнаты.

Как только за Хань Чаншэном закрылась дверь, Ань Юань медленно открыл глаза.

Сегодня был первый день официального открытия конференции Улинь. Он чувствовал себя сильно взволнованным, отчего спал очень чутко. Только Хань Чаншэн заворочался в постели, как он проснулся. К его удивлению, Хань Чаншэн решил запечатать его акупунктурную точку. Он неосознанно закрыл свои акупунктурные точки, удачно противостоя этой уловке. Из любопытства он продолжил притворяться спящим.

В чем заключался план Хань Чаншэна? Этот парень не желал, чтобы он присутствовал на конференции Улинь? Почему? Преисполненный недоумения Ань Юань надел свою шляпу с вуалью и тихо вышел из комнаты.

В первый день конференции Улинь по сути не проводилось никаких официальных мероприятий. На горе Куньлунь должны были собраться герои со всего мира, а затем глава альянса праведных сект собирался выступить с речью, упоминая об их славном прошлом и надеясь на светлое будущее. Затем должны были выступить уважаемые лидеры, сказав несколько слов о том, что им всем нужно лучше узнать друг друга, завести здесь новых друзей и обсудить свои планы на будущее. Это должно было занять целый день. А соревнования начнутся в ближайшие дни.

Когда Хань Чаншэн добрался до вершины горы, там собралось множество людей, и его уши наполнились диалектами со всех уголков этого мира.

- О, Небеса, как же я стар... Ты что, слепой?! Не наступай мне на пятки! Хочешь верь, хочешь не верь, но я еще дам вам всем прикурить!

- Маленький парень в красном, стой, где стоишь, и не рыпайся. Ты прям как обезьяна, не

загораживай мне обзор.

- Итак, что у нас здесь? Что такое?

- Привет, я - глава секты Чжиюн... Нет, не Цзиюн, "чжи" как в "чжидао" ("знание") и "юн" как в "жуньяо" ("слава").

Хань Чаншэн вытянул шею, ища Юэ Пэна. Стоящий рядом с ним маленький мальчик неожиданно потыкал его пальцем. Когда Хань Чаншэн опустил взгляд, мальчуган дружелюбно улыбнулся ему:

- Ох, я впервые встречаю кого-то с северо-запада. Из какой ты секты?

Хань Чаншэн открыл было рот, но неожиданно понял, что не знает, прикусить ему язык или свернуть его в трубочку. С глупым видом уставившись на мальчонку, он дара речи лишился.

А тем временем наконец нарисовался глава альянса Улинь, Лу Хунхуа.

Едва появился Лу Хунхуа, как шумное и оживленное пространство, заполненное людьми, внезапно затихло. И в тот же момент Хань Чаншэн обнаружил место, на котором стоял Юэ Пэн. Он еще сильнее надвинул на глаза свою шляпу.

Встав на сцене, Лу Хунхуа окинул взглядом всех героев из праведных сект. С блаженной улыбкой на лице он прочистил горло и заговорил:

- Это поистине значимое событие, собравшее здесь сегодня всех героев Улинь. И первым делом я бы хотел принести этим героям свою благодарность!

Под сценой зазвучали приветственные возгласы. Глаза же Хань Чаншэна, не отрываясь, смотрели только на Юэ Пэна. Поскольку в первый день конференции Улинь ожидалось исключительно речи, некоторые младшие ученики, пришедшие сюда с главами своих сект, не пришли. Все они посвятили ближайшие дни тренировкам в боевых искусствах, готовясь к тому, чтобы выступить на арене, или встречам с друзьями, которые также изучали боевые искусства.

Однако здесь и сейчас собрались все почтенные старейшины Цзянху, любившие поговорить о боевых искусствах. При этом, в отличие от молодых учеников, они вряд ли появятся на соревнованиях, которые начнутся на днях.

Юэ Пэн стоял в окружении нескольких других глав сект мечников. Пока говорил стоящий на сцене Лу Хунхуа, они переговаривались внизу. Они выглядели так, будто очень близки друг другу, но при этом втайне были не в ладах.

Лу Хунхуа продолжал:

- Я с нетерпением ожидал и задавался вопросом, какого развития смогут достичь боевые искусства за прошедшие три года, и теперь могу с уверенностью сказать, что они энергичны и полны жизненных сил. По сравнению с тремя предыдущими годами, появилось много новичков, которые способствуют поддержанию силы и славы мира боевых искусств. Это очень отраднo. В следующие три года...

Хань Чаншэн нетерпеливо поковырялся в ухе. Ему уже хватило ерунды, которую нес отец Лу Вэньлиня. Вот только он не заметил, как в месте проведения собрания незаметно появился и смешался с толпой людей еще один парень в соломенной шляпе. Тихонько подойдя и встав рядом с ним, он принялся незаметно наблюдать за каждым его движением.

Лу Хунхуа с легкостью завершил свою чепуховую речь, после чего настала очередь выступления нескольких почтенных лидеров.

Пусть секта Юэхуа и считалась одной из десяти лучших сект мечников, в этом списке она занимала последнее место, а после гибели старейшины Лань Фана и вовсе могла вылететь из него. Однако в этом году ее ученики избавили мир боевых искусств от близнецов Иня и Ян Ша, поэтому можно было сказать, что их позиция укрепилась. У Юэ Пэна уже давно не было возможности выступить, но сейчас ему предоставился этот шанс.

Первым на сцену поднялся глава секты Юньсяо. По окончании его речи настала очередь Юэ Пэна. Тот с высоко поднятой головой взошел на сцену и с нее окинул взглядом всех героев мира боевых искусств. Он смог выпустить немного пара и злобы, накопившихся в его сердце за эти долгие годы. Ему больше десяти лет пришлось ожидать этой возможности. Сегодня у него наконец-то появился шанс подняться на сцену. И это будет только начало. Отныне он, глава секты Юэхуа, непременно заставит людей взирать на него с трепетом и уважением, он на всех произведет впечатление, и теперь, упоминая секту Юэхуа, люди больше не будут вспоминать лишь о Лань Фане!

- Я...

- Юэ Пэн, старый ворюга! Сегодня самое подходящее время за все тебе отомстить!

Воодушевленный Юэ Пэн успел сказать только одно-единственное слово, как его прервали. Человек в соломенной шляпе, воспользовавшись цингуном, взлетел на сцену. В его руке сверкнул холодный блик, после чего заветный меч указал прямо на Юэ Пэна.

Это внезапное происшествие потрясло всех собравшихся здесь героев, а спустя мгновение поднялся громкий шум.

- Кто такой этот человек? И почему на нем соломенная шляпа? Это враг главы Юэ? Меч, который он держит в руке, выглядит так знакомо...

Юэ Пэн уставился на направленный на него меч и с удивлением произнес:

- Меч Поющего Дракона? Ты?!

Этим человеком был не кто иной, как Хань Чаншэн. Как только он сорвал со своей головы соломенную шляпу, Юэ Пэн смог отчетливо рассмотреть представшее перед ним лицо.

Его зрачки резко сократились.

- Тугэнь? - неожиданно охрипшим голосом выдохнул он.

Одновременно с этим стоящий среди толпы некий молодой человек в соломенной шляпе ахнул и с недоверием произнес:

- Папа?

Сегодня Хань Чаншэн сделал себе лицо того, под кого прежде еще никогда не маскировался. Теперь он выглядел в точности как тот самый убитый пятнадцать лет назад Хуанфу Тугэнь. Он попросил мелкое тухлое яйцо при помощи магии показать ему, как выглядел Хуанфу Тугэнь, а затем с помощью своих удивительных техник преобразил собственное лицо, чтобы оно как две капли воды походило на этого Хуанфу. И не только это - сегодня он как следует постарался, поскольку под этой маской скрывалось еще лицо Ань Юаня. Когда придет время, он снимет первую маску и всем покажет вторую. Вот зачем ему с утра пораньше понадобилось запечатывать акупунктурную точку Ань Юаня, чтобы тот не проснулся.

Хань Чаншэн свирепо глянул на Юэ Пэна и резким голосом произнес:

- Старый вор Юэ! Пятнадцать лет назад, желая украсть секретный манускрипт горной усадьбы Тяньюань, ты вонзил мне нож в спину. Серьезно ранив меня, ты решил обмануть моего сына, сделав так, чтобы он почитал вора как собственного отца. Хотел обманом выведать у Ань Юаня вторую половину секретного манускрипта, которую я успел сжечь. Чего ты совершенно не ожидал, так это того, что я не умер тогда. На протяжении последних пятнадцати лет я всего себя посвятил выздоровлению и самосовершенствованию. И все ради того, чтобы тебе отомстить! Сегодня настал день, когда моя месть свершится!

Шум под сценой стал еще громче. Изначально, когда настала очередь Юэ Пэна произносить речь, а какой-то человек поднялся на сцену и принялся устраивать беспорядки, члены альянса Улинь, специально отряженные Лу Хунхуа для поддержания порядка, собирались утащить этого нарушителя спокойствия прочь со сцены, но, услышав это, они начали колебаться. Затем и сам Лу Хунхуа жестом приказал им остановиться, желая послушать, что еще скажет этот незваный гость.

Кое-кто из пожилых членов альянса Улинь, что стояли под сценой, узнал Хуанфу Тугэня,

которого изображал Хань Чаншэн. Они здорово удивились:

- Это же Хуанфу Тугэнь! Небеса, он правда не умер?!

Изначально разволновавшийся Юэ Пэн быстро успокоился и сердито пробурчал:

- Что за чушь ты несешь?! Кто ты такой и почему прикидываешься братом Хуанфу, пытаешься подставить меня?! Всем на свете известно, что Хуанфу Тугэнь и я - братья! Его убили пятнадцать лет назад, и я до сих пор расследую это дело, пытаюсь отыскать настоящего убийцу! Я лично осматривал его бездыханное тело, воскуривал благовония у него на могиле и столько лет относился к его сыну, как к родному! Меч Поющего Дракона, что ты держишь в руке, был украден из секты Юэхуа. Ты - тот самый убийца, прикончивший старейшину Лань Фана и старика Сюаньцзи?

Услышав их противоречащие друг другу заявления, Лу Хунхуа тоже почувствовал себя озадаченным. Он поднялся на сцену и произнес:

- Брат, сегодня день открытия конференции Улинь. Я не знаю, что плохого с тобой приключилось, но тебе лучше будет уйти вместе со мной. Позволим конференции идти своим чередом, я же даю слово позаботиться о том, чтобы справедливость восторжествовала. Идем, позволь всем продолжить собрание, как и планировалось.

Хань Чаншэн усмехнулся и произнес:

- Сегодня я хочу попросить всех присутствующих героев стать моими свидетелями и узреть истинное лицо этого вора!

Юэ Пэн мигом заговорил:

- Глава, не слушайте эту ерунду. Он - самозванец и никак не может быть Хуанфу Тугэнем. Он явно затаил обиду на мою секту Юэхуа. Он убил наших старейшин, украл меч, а теперь хочет убить и меня, подорвав доверие ко мне в первый же день конференции Улинь! Не ведитесь на его уловки!

Лу Хунхуа, нахмурившись, произнес:

- Одним словом, пожалуйста, следуй за мной...

Хань Чаншэн больше не собирался слушать все эти глупости. Он просто ринулся вперед, напад на Юэ Пэна с мечом!

Юэ Пэн тоже не остался в долгу. Выхватив собственный меч, он ринулся навстречу Хань

Чаншэну, крича:

- Вор! Сегодня я отомщу тебе за старейшину Лань Фана!

Когда все собравшиеся увидели, что эти двое принялись сражаться на сцене, в толпе поднялась суматоха, она забурлила, словно котел с кипящей в нем кашей. Некоторым хотелось подняться на сцену, чтобы остановить сражение, угрожающее сорвать открытие конференции Улинь. Другие же останавливали их, со злорадством желая увидеть, как проявит себя секта Юэхуа. В конце концов, то, что секте Юэхуа удалось схватить близнецов Иня и Ян Ша, взволновало многие секты.

Лу Хунхуа, как глава альянса Улинь, должен был возглавлять эту конференцию боевых искусств. Но сейчас, когда он захотел остановить этих двоих, кто-то его удержал. Обернувшись, он увидел, что это был Лу Вэньлинь. Не сводящий взгляда с меча Хань Чаншэна Лу Вэньлинь попросил:

- Пап, позволь им сразиться!

Лу Хунхуа покачал головой:

- Это же ерунда, сущее баловство!

Но Лу Вэньлинь только еще крепче вцепился в него.

А в этот момент на сцене Юэ Пэн и Хань Чаншэн скрестили мечи, и Юэ Пэн испытал потрясение. Внутренняя сила этого человека оказалась гораздо мощней его собственной. Он испугался, что не является для него достойным противником! Неужели этот человек действительно поглотил всю внутреннюю силу старика Сюаньцзи?!

Юэ Пэн оказался в проигрышном положении всего после одного обмена ударами, и ему пришлось на два шага отступить. Он так перепугался, что Хань Чаншэн тут же убьет его, что в тот же миг принялся звать на помощь:

- Скорее, схватите этого предателя!

Однако Хань Чаншэн воспользовался своим превосходством, снова напав на него. Дождавшись, когда Юэ Пэн твердо будет стоять на ногах, он снова атаковал его своим мечом.

Рука стоящего под сценой Ань Юаня медленно сжималась на рукоятке его меча. Он более-менее догадался о том, что задумал Хань Чаншэн. И если Хань Чаншэн решил действовать так, то, должно быть, уже имел полное представление обо всем, что произошло. Причина, по которой Хань Чаншэн с утра пораньше запечатал его акупунктурную точку сна, наверняка заключалась в том, что тот осознал, какие чувства он испытывал по отношению к Юэ Пэну. В

конце концов, этот человек заботился о нем на протяжении пятнадцати лет. В действительности он и сам еще раньше начал сомневаться в Юэ Пэне, но на подсознательном уровне всегда надеялся, что его подозрения необоснованны. Но если... тем, кто пятнадцать лет назад совершил убийство, на самом деле был Юэ Пэн... это означало, что глава секты Юэхуа обманывал его на протяжении целых пятнадцати лет.

---

1. Минутка переводчика (мы все болееем, поэтому возможны задержки с выходом глав, хотя что-то может выходить и быстрее):

Хань Чаншэн встал еще до рассвета. И первым делом после этого запечатал акупунктурную точку сна Ань Юаня, чтобы тот продолжал мирно спать.

Усевшись за стол, он старательно наложил на свое лицо несколько слоев маскировки, а затем осторожно вытащил Меч Поющего Дракона, который все это время пролежал спрятанный в свертке. После этого он снова присел на кровать, просто чтобы посмотреть на Ань Юаня, который из-за запечатанной акупунктурной точки до сих пор, казалось бы, пребывал в глубоком сне.

- Эй, ты спишь? Ты точно спишь? Смотри, а то я тебя сейчас поцелую! - без долгих раздумий Хань Чаншэн последовал собственным словам, чмокнув Ань Юаня в бархатистую щечку. - Ну, как? Все еще спишь? Если не признаешься, что не спишь, я тебя опять поцелую, - на этот раз под раздачу попала другая щека. - Не признаешься? Тогда я поцелую тебя по-настоящему! - склонившись над парнем, глава секты пылко припал к слегка приоткрытым губам. Он долго терзал и мучил их, но так и не дождался ни единого слова от бесчувственно лежащего на кровати парня.

Окончательно убедившись, что Ань Юань спит, Хань Чаншэн нежно погладил его по голове и, в последний раз оставив почти невесомый поцелуй на его лбу, выпрямился, чтобы направиться к выходу из комнаты.

Как только за Хань Чаншэном закрылась дверь, Ань Юань медленно открыл глаза и, прикрыв рот руками, отчаянно покраснел.

<http://bllate.org/book/14818/1320214>